

3 июня свое 90-летие готовится отметить академик Игорь Шафаревич. Он поступил на механико-математический факультет в тринадцать лет. В семнадцать закончил. Доктором стал в 23. Последний настоящий диссидент - провожал Солженицына на самолет, в котором того депортировали из СССР. Это лишь деталь, но это - поступок, на который способен тогда был лишь человек, преданный жертвенному служению справедливости.

За 48 часов до своего 90-летия выдающийся математик Шафаревич абсолютно спокоен. Прямой взгляд - глаза в глаза. Неподвластная возрасту логика речи. Главный элемент спартанской обстановки его квартиры - книги, на корешках которых в равной пропорции - алгебраические термины и исторические названия.

В 17 лет закончил университет. В 19 - кандидат. В 23 - доктор наук. В 35 - член-корреспондент Академии наук СССР. В 36 - лауреат Ленинской премии. Для всего мира Шафаревич - это, наверное, Моцарт математики.

Математика прославила Игоря Шафаревича, однако его страстное увлечение русской историей превратило ученого в фигуру умолчания. И сделала это не советская эпоха, оппонентом которой Шафаревич остается до сих пор, а новое, либеральное, казалось бы, время. Сегодня Шафаревич - едва ли не самая безвестная наша научная знаменитость.

"Я думаю, что это какая-то особенность личности, что я оказывался неудобным человеком для любой власти, для любой структуры. Я говорю то, что думаю", - признается Игорь Шафаревич.

"Сразу же после 1991 года его как бы накрыли колпаком. Его сначала перестали замечать, а потом на него обрушился град упреков, град обвинений и деформаций. Он был объявлен фашистом. Почему так случилось? Потому что Шафаревич - академик, высоколобый структуралист, математик, человек как будто абстрактного мышления. Он из недр науки, из своего национального самоощущения спикировал в самую матку, в самый болезненный центр проблемы, которая по сей день не решена. Он разрабатывал русский вопрос", - подчеркнул писатель, историк, публицист Александр Проханов.

В 1982 году своей работой "Русофобия" Шафаревич, словно топором, раскалывает диссидентское движение, отмежевываясь от эмигрантского, космополитического содружества Буковских и Синявских. Шафаревич никуда не едет и не просится. Он формулирует унижительный для многих невозвращенцев термин - "малый народ", описывает сплоченное и влиятельное меньшинство, паразитирующее, как считает Шафаревич, на теле народа большого. Эта дорога приводит ученого в неоформившийся лагерь русских патриотов-почвенников, свято веривших в то, что все русское по определению противоположно советскому. Так начинается дружба с Солженицыным.

"Я слушала лекции Игоря Ростиславовича по алгебре как студентка мехмата. Аудитория всегда была забита. Он - ходячая легенда на мехмате. Думаю, это так и по сей день, несмотря на желание эту легенду как-то скукожить. А потом нас связывала общая дружба Игоря Ростиславовича с Александром Исаевичем. Они познакомились в 1968 году и года два спустя начали вместе проект "Из-под глыб", - рассказала президент Русского общественного фонда Александра Солженицына Наталия Солженицына.

Поводом для публикации сборника статей стали статьи других диссидентов, открыто поносивших страну.

"Это какое-то странное явление, которое меня поразило. И люди, которые здесь живут, говорили об этой стране с ненавистью", - вспоминает Шафаревич.

Любопытно, что сборник "Из-под глыб" в американской редакции был назван чуть иначе - "Из-под обломков". Вскоре от казавшейся глыбой страны действительно остались обломки. Русофобию уже ничто не сдерживало.

"Был министр иностранных дел - Козырев. Очень незаметный министр, но он очень многое сделал тогда", - отметил Шафаревич.

Игорь Шафаревич же был там, где, как он считал, быть был обязан.

"Игорь Ростиславович вместе со мной движется по плотине Дубоссарской ГЭС в

Приднестровье навстречу прицелам румынских снайперов и бесстрашно, как наивное дитя, двигается на глазах остолбеневших защитников Приднестровья к самой середине реки, медленно стоит, смотрит на другой берег, поворачивается и движется в обратном направлении. Он совершает путь, который не рисковали совершать приднестровцы, облаченные в бронежилете", - вспоминает Александр Проханов.

Очевидец войны Шафаревич вспоминает, как еще студентом рыл окопы на подступах к Можайску, как надвигался на столицу ужас поражения и как потом под Москвой, а чуть позже под Сталинградом, произошло чудо, которое нельзя описать математическими терминами.

"То, что Лев Николаевич Гумилев называл "пассионарностью". Было чувство, что русских есть свой ход истории, а их хотят сделать питательной средой для какой-то другой культуры", - сказал Шафаревич.

"То забвение, которому предали Игоря Ростиславовича в последние 20 лет, показывает, до какой степени у нас безответственные и подростковое общество, потому что его подвергли политкорректному беснованию. И это беснование у нас процветает и по сей день. Предпочитают заменять диспут и диалог, чтобы выкидывать оппонента с ринга, чтобы его не слышать, припечатать его чем-нибудь. До тех пор пока наше общество не повзрослеет, мы все время будем нести огромные потери. И виноваты с этим только мы сами", - уверена Наталия Солженицына.

"Однажды в день моего рождения он подарил мне крест. И этот крест - литой, бронзовый - стоит в моем иконостасе. И сегодня, когда Игорю Ростиславовичу Шафаревичу исполняется 90 лет, я говорю ему: Дорогой Игорь Ростиславович, вы несете этот крест очень высоко. Это наш общий крест и ваш личный крест. В ваш восхитительный 90-летний юбилей я желаю вам света духовного, ощущения победы, русской победы, которая неминуемо будет одержана", - сказал Александр Проханов.